

Фильм «Русский рэгтайм», снятый по сценарию Геннадия Островского режиссером Сергеем Урсуляком, уже собрал энное количество призов. У сценария Геннадия Островского «Барон» режиссера еще нет, но приз за него он уже получил — на российско-немецком конкурсе «Приз Эйзенштейна».

Утро. Тридцать лет спустя.
«Ledy in red», — поет на английском певец из-за раскрытых настежь дверей квартиры, где когда-то жил Микола. Силуэт девушки за марлевой занавеской, через которую проникают солнечные лучи.
Барон курит на крыльце своего дома, у раскрытых в коридор дверей, где на стене висит раскрыто, стоит умывальник, мусорное ведро.

Он выходит на кухню, садится за стол. Тикают ходики. Потом он слышит шаги с крыльца. В кухню входит Этель с базарными сумками.

— У тебя все настежь, — говорит Барон.
— Вэйз мир, — хрипло говорит Этель. — Ты приехал.

— Да, — говорит Барон. — Ты не очень изменилась. Это не комплимент.

— А зохен вэй, вся седай. — Этель ставит на пол сумки, поправляет косынку. У нее дрожат руки.

— Ты одна?

— А с кем я должна быть?

— Я думал, у тебя муж.

— А зохен вэй, у меня муж. Не смей меня. Я как раз курицу купила. Ничего, не очень жирная.

— Ты надолго приехал?

— Ты хочешь меня прогнать? — улыбаясь, говорит Барон.

— Живи до смерти. Это же твой дом.

— Нет, Этель. Я на пару дней.

— Папа умер.

— Я знаю.

— Я давала тебе телеграмму «до востребования».

— Я поздно получил. Когда хоронили?

— Семнадцатого.

— Я хочу посмотреть.

— Поешь. Потом пойдем. Он уже никуда не уйдет.

— Нет, потом.

— Поешь, Иосия. Я сделаю кисло-сладкое с пулкэла, с чесночком. Пулкэла, помнишь? Ножка? Ты же любил?

— Я помню, Этель.

— Ты помнишь, — с сарказмом говорит Этель. — Что вообще можно забыть за тридцать лет.

— Кладбище. Еще свежая могила отца, рядом с могилой жены.

— Ну, что? — говорит Этель. — Могила как могила.

— Да, — говорит Барон.

— Он бы тебя не узнал. У тебя такой богатый костюм и туфли. А где ты работаешь?

— В филармонии. Администратором. Я привез деньги на памятник. Знаешь, Этель, я хорошо зарабатываю. У меня много денег, если хочешь, я куплю тебе новый дом.

— Новый, — равнодушно говорит Этель. — Я не знаю, что делать со старым. Но папе было бы приятно это услышать. Удивительно. На похоронах было столько людей. Был директор РАНО и даже замначальника водокачки. Тартаковский. Ты помнишь Тартаковского?

— Нет, — говорит Барон.

— А... Он все равно уехал в Израиль. В пятницу. Но он так хорошо говорил — все плакали. Идем?

Они уходят с акквиратного безлюдного кладбища, у входа в который стоит обелиск и лежат венки.

— Как он умер? Не мучался?

— Вечером лег, позвал тебя и умер. Легко. Как мама. Надеюсь, у нас это семейное. О, видишь, — она указывает на обелиск. — Оказывается, наша мама любила святого. Рави Бенцион, помнишь? По которому она сходилась с ума. Его убили немцы в войну, а крайнюю плоть прибили к дверям синагоги. А саму синагогу не тронули, одну на всю область. Я знаю, почему? Так приехали веселые хасиды из Америки, объявили его святым. Построили здесь памятник и мотель «Украину» в пять этажей, они там живут, когда приезжают. Не видел — это по дороге с вокзала?

Они выходят из ворот кладбища, направляются к автобусной остановке перед железнодорожным полотном.

Вечер. Стол в кухне с остатками ужина. Початая бутылка французского коньяка. Барон кусочком хлеба очищает тарелку.

— Ты ешь. Вкусно? Возьми еще мясо. Салатик. Тебе надо есть. Посмотри, на что ты похож! Чем тебя кормят жен?

— У меня нет жены, — говорит Барон. Он наливал из бутылки.

— Тоже новость. Ты не алкоголик?

— Нет.

— Но выпить любишь. Желудок ты себе этой водкой уже испортил.

— Бедный, бедный, Иосиф, — говорит Этель. — Так папа говорил. Пока он еще мог, он ходил смотреть тебя на дорогу. А потом возвращался и говорил, бедный, бедный Иосиф. Где он берет денег, чтобы есть. Он говорил, Этель, пошли ему деньги. Я говорю, папа, куда? До востребования? Сколько можно получать эти переводы обратно.

— Этель, у меня столько денег, что ты даже не можешь себе представить. Достань сумку из чемодана. Я не стал везти тебе вещи, я не знал какая у тебя фигура.

— У меня фигура, — бормочет Этель.

— Достань сумку. Я тебе сказал!

Этель достает из чемодана кожаную сумку.

— Дай сюда, — говорит Барон. Он раскрывает сумку и высыпает содержимое на пол. — Смотри, это я привез тебе.

На полу лежат пачки советских денег, доллары.

— Вэйз мир, — потрясенная Этель поднимает пачку с пола. — Это американские деньги? А? Иосия? И что, на них что-то можно купить на базаре?

— Можешь купить весь базар.

— Иосия, — Этель подозрительно глядит на брата.

— Скажи честно своей сестре, ты не бандит?

— Почти, — смеется Барон.

Стук в окошко, потом быстрые легкие шаги. На пороге кухни оказывается тоненькая светлая девушка в красном открытом сарафане. Она звонко и весело говорит:

— Тетя Этель, у вас есть... — Она смотрит на разбросанные по полу пачки денег, на Барона, держащего в корыте ноги. —...перец черный.

— Перец? Перец есть. А это мой брат, — говорит Этель. — Он приехал из Москвы.

Оксана быстро смотрит на Барона, исчезает.

— Господи. Кто это? — изумленно говорит Барон.

— Похожа на мать? А? — с одобрением и как бы вместе с братом удивляется Этель. — Оксана умерла по женским делам. Три года назад. Так мучилась. Лежала в области. А этот Сашка Солоха, ее муж, такой хозер, пил, гулял, сейчас на рынке мясом торгует.

Барон выходит на крыльцо, смотрит в освещенные соседские окна, из-за которых слышна утренняя мелодия, закуривает.

На пороге соседской двери показывается Оксана с мокрым полотенцем, смотрит на Барона.

— Ledy in red, — говорит Барон, — это про тебя.

Оксана неловко улыбается, стелет полотенце у порога.

Появляется Этель в очках, с местной газетой.

— Твой папа писал стихи в «Радянский шлях».

Ты не знал? Оксана, он еще не видел «Радянский шлях», где печатали стихи Арона Моисеевича! Это про наш город, Оксана работает в краеведческом музее, так ей так нравится, что она читает их на память. — Этель тянет брата в коридор, достает ночной горшок из-под табуретки. — На! — всовывает ему в руку. — Не разбей! Поставь его под топчан, если ты вдруг захочешь, никуда не ходи.

Школа. Пустой, с новыми столами и атрибутикой независимой Украины класс, из окна которого виден школьный двор, но уже другой, заасфальтированный, без забора и туалета; пыльная дорога, на которой стоит Этель и, что-то крича, сердито жестикуют в сторону, смотрящему на нее сверху Барону.

А потом они оба уходят по пыльной дороге, мимо блеснувшей слева полоски реки.

— А когда папа стал писать стихи?

— Он всегда их писал, — говорит Этель. — Ты можешь быстрее.

— Я не знал. А до камыша он доплыл?

— До какого камыша, не выдумывай, куда он мог доплыть. Он еле плавал.

— А здесь меня хотел клюнуть петух. Помнишь? Ты вела меня к папе.

— Ой, Иосия. Что ты все выдумываешь, какой петух.

Крытый мясной павильон. Этель и Барон медленно перемещаются между рядами.

— О, здравствуй ужас, — радостно кричит Этель маленькой худой женщине, ее ровеснице, деликатно выматривающей курицу через ряд от них. — Как тебе мой брат, а?

— Очень красивый, — с готовностью кричит женщина.

Привез нем чемодан денег, так я не знаю что с ними делать!.. Это Фира, помнишь, она носила тебя вот здесь, — стучит Барона по загривку.

— Нет, — тихо снвозь зубы говорит Барон.

— Фира! — кричит Этель. — Слышишь? Он уже не помнит, что написал тебе на голову!

— Не ори, сумасшедшая, — шепчет Барон, увлакивая ее в сторону.

— А шо мне бояться? Я в родном городе. Боже мой, что здесь было раньше, а сейчас смотри, ничего нету. Скажите, товарищ, — спрашивает она небритого мужика, который торгует кроликами, — куда мясо делось?

— Москал все мяско зьели, — говорит мужик и подмигивает.

— О, поц, — тихо говорит Этель. — Слава богу, что у них пока только москал виноваты: Иосия, войны не будет? А? Не дай нам бог, Иосия, — говоря это, Этель зорко всматривается в мясной товар.

— Жиночка, понохайте, — просит маленькая верткая хозяйка коровьей печенки.

— Та ще мне нюхать. Я шо не бачу?

— Жиночка, та вы понохайте.

— А сколько?

— Тысячу купонияв за килограмм.

— Так шо мне нюхать за тысячу купонияв. — Но все же Этель нюхает, морщится. Уходит. — Таки хороша печеночка, — с сожалением говорит Этель, осматривая не блестящие изобилием ряды. — Давно такой не было. Но за тысячу купонияв я свою отдам. Что? Барон смотрит на сестру, возвращается к хозяйке.

— Мы берем, — говорит он. — Три кило. Нет, пять.

— Инша справа, — расцветает хозяйка.

— Шо вы ему взвешиваете, — протискивается из-за его спины, кричит Этель. — Он же сумасшедший. Он не будет брать. Давайте за восемьсот. За восемьсот пятьдесят!

Покосившийся деревянный сарайчик за домом, стену которого, взмокший от работы Барон, пытается подпереть толстым длинным бревном. Рядом с сарайчиком участок огорода, на котором стоит Этель и кричит соседке на крыльце дома напротив:

— Это мой брат! Он будет здесь долго жить! Прямо в этом сарайчике! А ночью ему не спится! У него бессонница. Моя умная соседка! — говорит она, подходя к тужащемуся Барону. — Там раньше Цяпова жила. Помнишь?

— Да, — хрипит Барон.

— А эта умница каждое лето ходит ночью на огород и обрывает мне горошек. Так я сказала, что у тебя бессонница. Правильно?

— Правильно, — стонет Барон.

Барон выходит на крыльцо, садится, закуривает. Следом выходит Оксана. Барон оглядывается. Оксана коротко смеется, закрывает ладошкой рот.

— Не обращайтесь внимания. Они такие отсталые. Что с них взять.

— Да мне на них наплевать, — говорит Барон. — Я тебе рассказывал.

— Спасибо за цветы. Я их в музей оставила, чтоб отец не видел. Он всех ребят от дома отвалил. А правда, что вас сегодня петух клюнул?

— Правда, — говорит Барон и улыбается. — Когда я на тебя смотрю, у меня сердце щемит.

— А мама вспоминала вас. Когда лежала в больнице, и раньше. Часто вспоминала. Она говорила, что вы были таким добрым, мягким. Что вы к ней так относились. В общем, она жалела, что не с вами. Что вы тогда, ну, уехали. И все. А Арон Моисеевич писал очень хорошие стихи. Не думайте, — с вызовом говорит она. — Ну, может быть, я не понимаю, но мне нравятся. Такие искренние. Он был очень хорошим человеком.

— Да, я знаю. Я плохой человек. Но я исправлюсь, — он пытается шутить. — Я ведь еще не старый. Ты как думаешь?

— Иосья! — громко кричит, выглянувший из-за дверей Сашка.

Барон вздрагивает.

— Петух идет, — говорит Сашка, выходит на крыльцо.

Оксана встает.

— Пойдешь сегодня до кума спать, доченька, — ласково говорит он ей. — Тетка соскучилась, племянник. Иди, собирайся. — Он гладит ее по щеке. — Зоренька моя, — Он закуривает, думая о чем-то, рассеянно спрашивает Барона. — Ну, как, ничего?

— Я так понял, у тебя неприятности с бизнесом, — говорит Барон. — Могу помочь...

Сашка изумленно слушает, потом устало говорит длинное:

— Ну, Иосья, ну такой же заморыш. Заходи, трошки выпьем. Я хорошо мясо продал.

Вечер. Дом Оксаны. Центральная комната, в которой стоит дым от курящих за столом гостей — здоровых крепких мужиков — сверстников Барона. Водка, картошка, мясо, немудреная закуска. Приоткрытая дверь в комнату Оксаны, где над кроватью висит гитара с бантом и календарь с модным артистом.

В руках Оксаны, которая сидит за столом напротив Барона, и внимательно с недоверием его слушает, фотография зарубежного певца.

А когда мы приехали в Париж, — рассказывает Барон, — чтобы подписывать с ним контракт, он потребовал, чтобы я оплатил поездку его поварам, иначе он отказывается от гастролей. Пришлось, что делать. Но вообще, он очень неплохой певец. Профессионал, у нас таких нет.

— Кто, о пей патлатый? — говорит гость, сидящий рядом с Оксаной, и выхватывает из ее рук фотографию. — Чого це в нас таких нема? Це у вас нема. А у нас... Ба-ра-бан был плох. — Он громко фальшиво поет.

— О-ой... — Уходит в дом.

Центральный универмаг горько критически осматривает жену, несет их к кабинке, где за шпалетом на себя платье. Ей помог Барон отодвигает штору.

— Ой, — вскрикивает Этель. Не смотри. Я еще не готова.

— У тебя есть на осень сапожки?

— Я уже вся мокрая. Зачем?

— У нее нет, — заговорчески.

— Счас что, осень? Будет о?

— Не купит, — говорит Оксана.

— Примерь Этель. Я тебя двигаю штору. Оттуда шепот недовольное бормотание Этель.

— Мы готовы, — говорит из поправляет на Этель платье, а вая от волнения, с испуганным на Барона.

— А нам бы было хорошо вглядывая на них, говорит Барон.

— Ой, — Оксана смотрит на работу. — Она выскакивает из в.

— А ключ! — кричит Этель, лок с длинным ключом.

— Под половицу положите, Я поздно приду. Мне к тетке на Барон смотрит ей вслед, а к Этель, говорит:

— Пальто тебе надо купит.

— Не сходи с ума, Иосия.

— Из-за пальто?

— Из-за девочки. Не прикидуйся пристани. Она тебе во в.

— Я купил ей платье. Этель к лицу.

За раскрытым окном вечер, дительской комнате при тусклых нитями сидят Барон и Этель в шкатулке со старыми фотографиями из газет.

— О, — Этель вынимает отту волос. — Это твои. В два годика был светленький. — Передает ф.

Этого папа с тобой на мосту Ви, вцепился? А там мама за кадр забрала. Вот ее рука. А это пап.

снился сон, что он с тобой попал. Ты помнишь, когда убили С.

— Да, — говорит Барон, вы соседские окна.

— Так тогда ему приснился.

— Нет.

— Может, она осталась у тети.

Веч. Тут столбик про Пяночел, целится.

Барон закрывает окно.

Этель в это время с чувством двинул от себя лист:

— И я хочу прикрыть сыну пол-плеча. Но получив под серд.

сыпаясь, закричал. А, — она брата. — И дальше: Гляжу на И сердце бешено стучит. И на Мой сын, посапывая, спит...

— Ты таки спал у него на груди.

— Этель, — тихо просит Б. сердце.

— Что? — говорит Этель. — крытка, через год как ты ушел.

воду. Целую». Была вкусная во.

— Этель, прекрати. Что ты плакал, повнимался! Я плачу! В.

— Ша, Иосия, ша, — испуган.

Не нервничай. Шо я такого с.

про воду. Сидь. Вот еще твоя.

Большее мы не получали. Вот на.

положить ему в гроб, совсем б.

Иосия, — испуганно вскрикивает.

ловы. Я таки без головы, Иос.

лезет под кровать, выдвигает (ки, старые игрушки, елочные г.

вую фигурку Снегурочки. — I

тебе на совершеннолетие. Была

у мамы браелет от часов. Пош.

Что ему устроила мама, ты м.

Ты был в школе. Засклинал мен.

болталась. — Наконец, Этель п.

сумочкой, из которой достает ки.

золотую цепочку с украшением

древнееврейского алфавита. — Э

го имени, Иосия. Когда он понял

ся, он подарил мне. Он еще не

замуж и у меня будет мальчик.

— Нет, Этель, это твое. Мож.

тельно еще выйдешь замуж.

— Вэйз мир. Какой ты у м.

стью говорит Этель, касаясь е.

у меня еще дурак. Бери пока д.

— Пусть, — говорит Барон.

вай сделаем стол, Этель. Отпра.

Сдвинутые столы во дворе д.

каются и пьют. Уже затягивает

и пана.

— Ты доволен, Иосия? — гово.

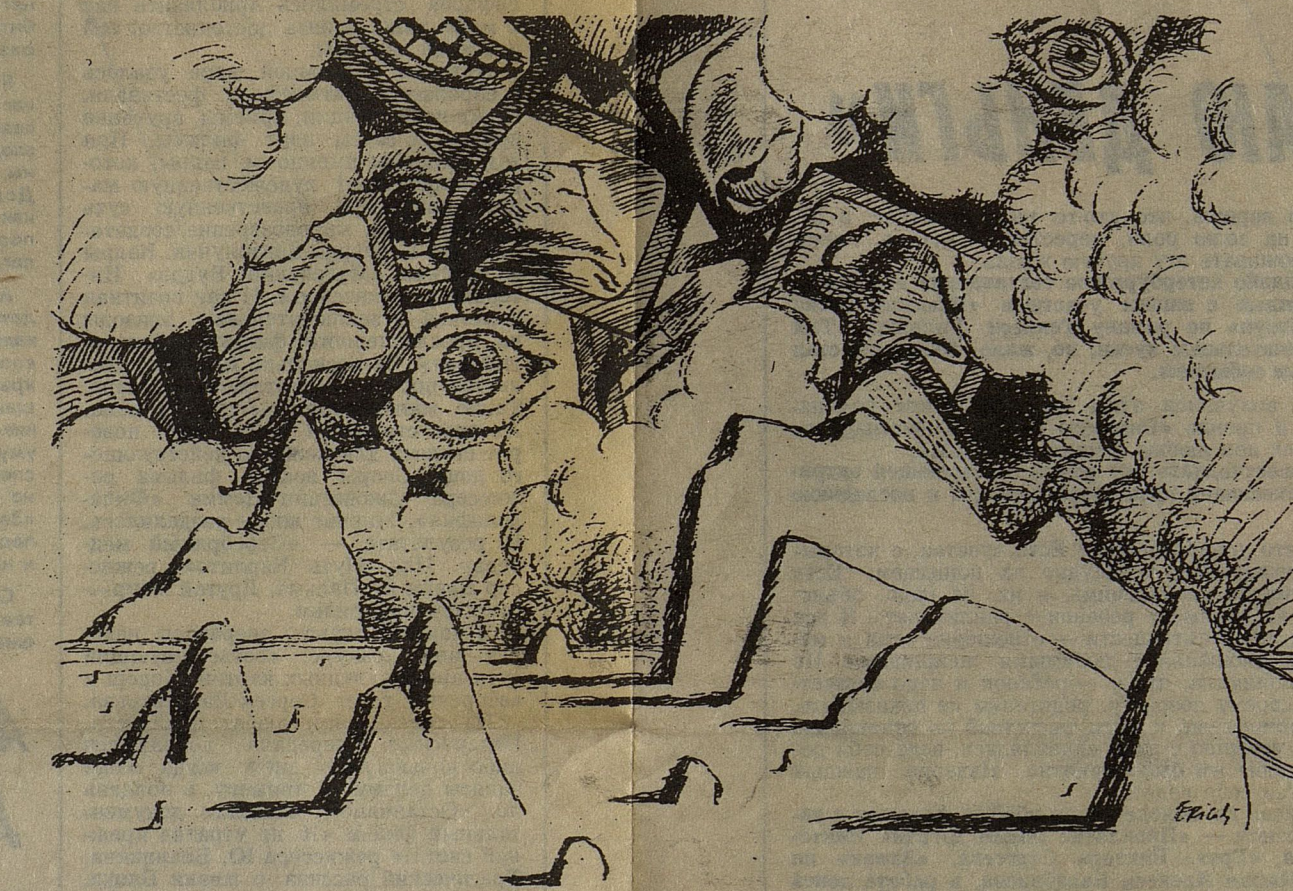
торый с рассеянной улыбкой н.

Все кушают.

Барон, взяв со стола ее руку

жав на весу, прикасается к ней.

— Ах, — Этель краснеет, за

Геннадий
Островский

БАРОН

(ФРАГМЕНТЫ СЦЕНАРИЯ)

только денег, что ты даже гавить. Достань сумку из че-и тебе вещи, я не знал какая

— бормочет Этель.
Тебе сказал!

одана кожаную сумку.
орит Барон. Он раскрывает ржмное на пол.— Смотри, это

и советских денег, доллары. ясенная Этель поднимает пачиканские деньги? А? Иося? окно купишь на базаре? весь базар.

удозрительно глядят на бра-ей сестре, ты не бандит? Барон.

м быстрые легкие шаги. На-тса тоненькая светлая девуш-и сарафана. Она звонко и ве-

есть...— Она смотрит на раз-ики денег, на Барона, держа-..перец черный.

ть. А это мой брат,— говорит из Москвы.

ит на Барона, исчезает.
о? — изумленно говорит Ба-

? А? — с одобрением и как дивляется Этель. — Оксана лам. Три года назад. Так му-асти. А этот Сашка Солоха, пил, гулял, сейчас на рынке

рыльцо, смотрит в освещен-за которых слышна утренняя

двери показывается Оксана смотрит на Барона.

ворит Барон, — это про тебя. бається, стелет половинок у по-

очках, с местной газетой: стихи в «Радянский шлях», он еще не видел «Радянский

тихи Арона Моисеевича! Это работает в краеведческом му-ся, что она читает их на па-ата в коридор, достает ночной этки. — На! — всовывает ему

Поставь его под топчан, если куда не ходи.

овыми столами и атрибутикой класс, из окна которого виден не другой, заасфальтирован-ета; пыльная дорога, на кото-о-то крича, сердито жестнику-рящему на нее сверху Барону.

дят по пыльной дороге, мимо ски реки.

л писать стихи?
ал,— говорит Этель. — Ты мо-

камышы он доплыв? ца, не выдумывай, куда он мог л.

тел клонуть петух. Помнишь?

гы все выдумываешь, какой

ильон. Этель и Барон медлен-ду рядами.

кас,— радостно кричит Этель цну, ее ровесники, деликатно цне через ряд от них.— Как

, — с готовностью кричит жен-одан денег, так я не знаю что

Фира, помнишь, она носила ит Барона по загривку.

зь зубы говорит Барон.
Этель. — Слышишь? Он уже л тебе на голову!

едшая,— шепчет Барон, уво-ся? Я в родном городе. Боже

ныше, а сейчас смотри, ничего щ,— спрашивает она небрито-ругует кроликами,— куда мясо

ясо зьели,— говорит мужик и

говорит Этель. — Слава богу, москали виноваты: Иося, войи нам бог, Иося,— говоря это, ается в мясной товар.

айте,— просит маленькая верт-печенки.

ты. Я шо не бачу?
поножайте.

за килограмм.
ать за тысячу купонив.— Но морщится. Уходит.— Таки хо-; сожалением говорит Этель,

тые изобилием ряды.— Давно тысячу купонив я свою отдам. на сестру, возвращает к хо-

— Мы берем,— говорит он.— Три кило. Нет, пять.
— Ичша справа,— расцветает хозяйка.

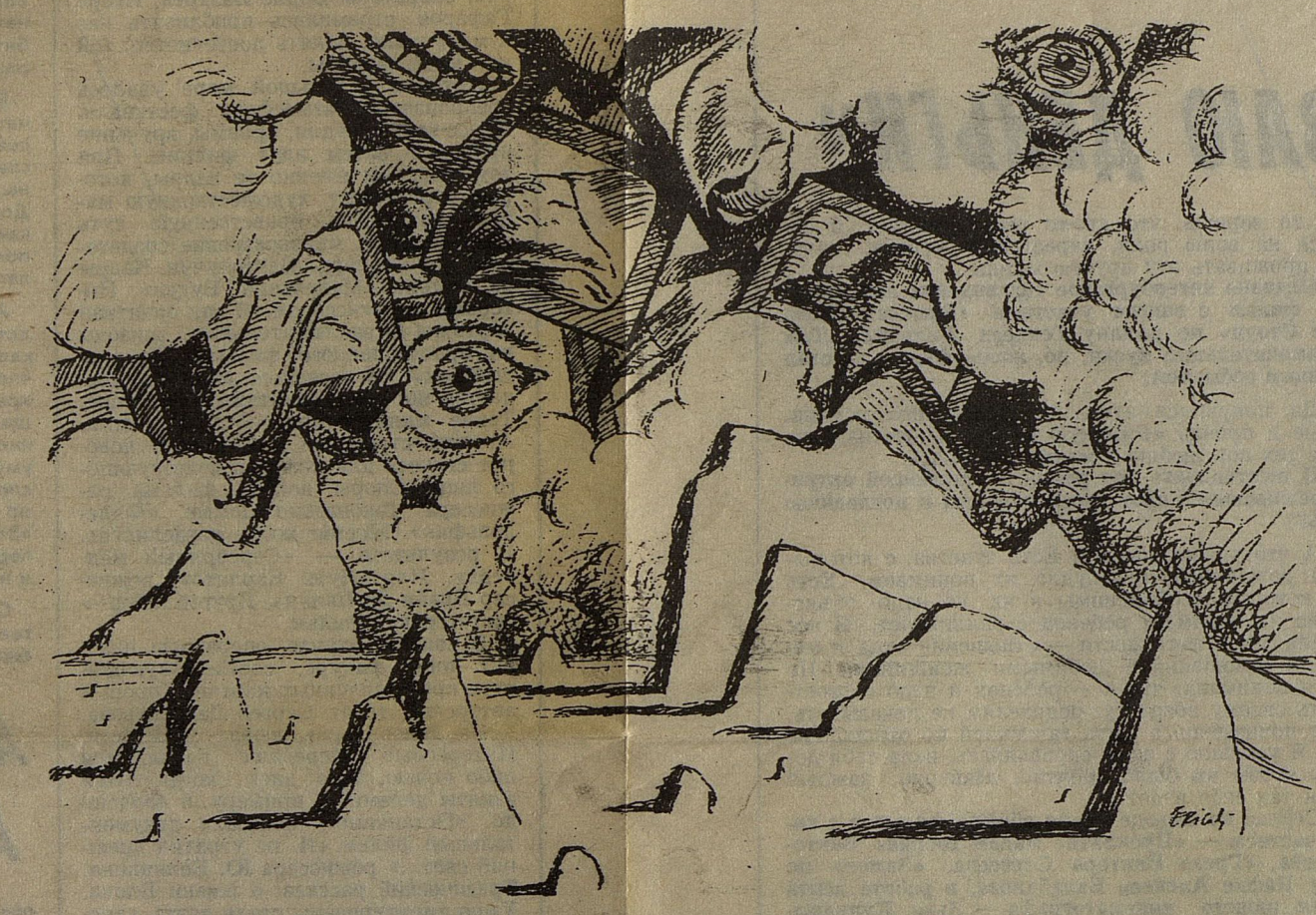
— Шо вы ему взвешиваете,— протискивается из-за его спины, кричит Этель. — Он же сумасшедший. Он не будет брать. Давайте за восемьсот. За восемь-сот пятьдесят!

Покосившийся деревянный сарайчик за домом, стену которого, взмокший от работы Барон, пытае-ся подпереть толстым длинным бревном. Рядом с сарайчиком участок огорода, на котором стоит Этель и кричит соседке на крыльце дома напротив:

— Это мой брат! Он будет здесь долго жить! Прямо в этом сарайчике! А ночью ему не спится! У него бессонница Моя умная соседка! — говорит она, подходя к тумаше Барону.— Там раньше Цяпова жила. Помнишь?

— Да,— хрипит Барон.
— А эта умница каждое лето ходит ночью на о-город и обрывает мне горошек. Так я сказала, что у тебя бессонница. Правильно?

— Правильно,— стонет Барон.

Геннадий
ОСТРОВСКИЙ

БАРОН

(ФРАГМЕНТЫ СЦЕНАРИЯ)

— Отдохни уже. Холера с ним, с этим сараем.
— Слушай, Этель, а ты не хочешь уехать в Иза-райль, в Америку, деньги я тебе дам.

— А что я там не видела?
— А здесь, что ты не видела,— стонет Барон.— Этих соседей?

— А что, я их часто вижу? Один раз в день. И потом, хозер-хозер, а привыкаешь. И уже чего-то глазам не хватает.

Во двор, сверху, с горки, скатывается на холостом ходу «жигуленок», из которого выходит Сашка Солоха — отец Оксаны, обрюзгший, но все еще красивый крупный мужчина, и выбрасывает на крыльцо петуха, которого привязывает к лапе за ручку входной двери. Делая это, наблюдает за действиями Барона с бревном, морщит лоб, вспоминает, радостно улыбаясь и, поднимая вверх руку, кричит:

— Привет, Иоська! Смотри, пупок не надорви! С этой карты станется!

Барон оборачивается.

— Не отвечай ему,— сердито шепчет Этель.
Сашка вытаскивает из багажника мешок, идет в дом.

— Я тебе счас голову оторву! Сука! — сузив глаза, говорит Барон и, бросив бревно на землю, хватает черенок лопаты.

Петух косит глаза на Барона, который, едва сдерживая бешенство, сладко выговаривает:

— Сашок, рыбака, выйди на крыльцо!
Сашка изумленно выглядывает из-за двери.

Петух, коротко кукарекнув, с крыльца прыгает на Барона, бьет крыльями. Барон от неожиданности отступает, падает и, выронив черенок, растерянно машет руками.

— Гвалт! — кричит Этель, бросаясь на петуха.
Сашка прыгает к ней. Легкая неразбериха. Наконец, петух оказывается висющим вниз головой в руках хозяйки, и тот, отдуваясь, говорит лежащему на земле Барону:

— Ну, Иоська, ну такой же заморыш. Заходи, трошки выпьем. Я хорошо мясо продал.

Вечер. Дом Оксаны. Центральная комната, в которой стоит дым от курящих за столом гостей — здоровых крепких мужиков — сверстников Барона. Водка, картошка, мясо, немудреная закуска. Приоткрытая дверь в комнату Оксаны, где над кроватью висит гитара с бантом и календарь с модным артистом.

В руках Оксаны, которая сидит за столом напротив Барона, и внимательно с недоверием его слушает, фотография зарубежного певца.

— А когда мы приехали в Париж,— рассказывает Барон,— чтобы подписывать с ним контракт, он потребовал, чтобы я оплатил поездку его поварам, иначе он отказывается от гастролей. Пришлось, что делать. Но вообще, он очень неплохой певец. Профессинал, у нас таких нет.

— Хто, о цей патлатый? — говорит гость, сидящий рядом с Оксаной, и выхватывает из ее рук фотографию.— Чого це в нас таких нема? Це у вас нема. А у нас... Ба-ра-ба! Он плох. — Он громко фальшиво поет.

— А нам бы было хорошо втроем, да, девочки? — глядя на них, говорит Барон.

— Ой,— Оксана смотрит на часы. — Мне же на работу. — Она выскакивает из кабинки.

— А ключ! — кричит Этель, поднимая с пола брелок с длинным ключом.

— Под половицу положите,— кричит Оксана.— Я поздно приду. Мне к тетке надо!

Барон смотрит ей вслед, а потом, повернувшись к Этель, говорит:

— Пальто тебе надо купить.
— Не сходи с ума, Иося.
— Из-за пальто?

— Из-за девочки. Не прикидывайся Моей с Арбузной пристани. Она тебе во внуки годится.

— Я купил ей платье, Этель. Красное. Ей будет к лицу.

За раскрытым окном вечер. Дождь. У стола в родительской комнате при тусклом свете абажура с синими нитями сидят Барон и Этель, которая роется в шкапулке со старыми фотографиями, бумагами, вырезками из газет.

— О,— Этель вынимает оттуда пакетик с прядью волос. — Это твои. В два годика. Видишь, какой ты был светленький. — Передает фотографию брату.— Это папа с тобой на мосту Видишь, как ты в него вцепился? А там мама за кадром, она тебя хотела забрать. Вот ее рука. А это папины стихи. Ему приснился сон, что он с тобой попал в Чили к Пиночету. Ты помнишь, когда убили Сальвадора Альенде?

— Да,— говорит Барон, выглядывая на темные соседские окна.

— Так тогда ему приснился сон. Нет ее, Иося? — Нет.

— Может, она осталась у тетки. Смотри какой ливень. Тут столбик про Пиночета, он в тебя долго читается.

Барон закрывает окно.
Этель в это время с чувством читает, далеко отодвинув от себя лист:

— И я хочу прикрыть сынулю. Еще чуть-чуть на пол-плеча. Но получив под сердце пулю. Вдруг просыпаюсь, закричаю... А,— она довольно смотрит на брата.— И дальше: Гляжу на солнце как на диво. И сердце бешено стучит. И на груди моей красиво. Мой сын, посапывая, спит... — Как тебе нравится? Ты так спал у него на груди.

— Этель,— тихо просит Барон.— Не рви мне сердце.

— Что? — говорит Этель. — О... Твоя первая открытка, через год как ты ушел. Кисловодск. «Пью воду. Целую». Была вкусная вода. Иося?

— Этель, прекрати. Что ты хочешь? Чтобы я заплакал, повинился! Я плачу! Винюся! Что?

— Ша, Иося, ша,— испуганно говорит Этель.— Не нервничай. Шо я такого спросила? Я спросила про воду. Сядь. Вот еще твоя открытка из Москвы. Больше мы не получали. Вот папина медаль. Забыла положить ему в гроб, совсем была без головы. Ой, Иося,— испуганно вскрикивает она.— Я таки без головы. Я таки без головы, Иося.— Она вскакивает, лезет под кровать, выдвигает оттуда какие-то ящики, старые игрушки, елочные гирлянды, пенопластовую фигурку Снегурочки. — Папа хотел подарить тебе на совершеннолетие. Была целая история. Взял у мамы браслет от часов. Пошел к Мотлу-кузнецу. Что ему устроила мама, ты можешь представить. Ты был в школе. Заклинал меня, чтоб я тебе не проболталась. — Наконец, Этель появляется с потертой сумочкой, из которой достает коробочку, а из нее — золотую цепочку с украшением в виде буквы «Иот» древнееврейского алфавита. — Это первая буква твоего имени, Иося. Когда он понял, что ты не вернешься, он подарил мне. Он еще надеялся, что я выйду замуж и у меня будет мальчик.

— Нет, Этель, это твое. Может быть, ты действительно еще выйдешь замуж.

— Вэйз мир. Какой ты у меня дурак,— с жалостью говорит Этель, касаясь его щеки. — Какой ты у меня еще дурак. Бери пока дают.

— Пусть,— говорит Барон. Он улыбается.— Давай сделаем стол, Этель. Отпразднуем. Я вернулся.

Сдвинутое столы во дворе дома. За столами чокаются и пьют. Уже затягивается песня про курочку и пана.

— Ты доволен, Иося? — говорит Этель брату, который с рассеянной улыбкой наблюдает за этим.— Все кушают.

Барон, взяв со стола ее руку и осторожно подержав на весу, прикасается к ней губами.

— Ах,— Этель краснеет, забирает руку, неловко длинное:

— О-ой... — Уходит в дом.

Центральный универмаг города. Барон у прилавка критически осматривает женские зимние сапоги, несет их к кабинке, где за шторкой Этель натягивает на себя платье. Ей помогает Оксана.

Барон отодвигает шторку.
— Ой,— вскрикивает Этель. — Уйди, шлемазил. Не смотри. Я еще не готова.

— У тебя есть на осень сапоги?
— Я уже вся мокрая. Зачем мне сапоги?
— У нее нет,— заговорчески говорит Оксана.

— Счас что, осень? Будет осень, я куплю!
— Не купит,— говорит Оксана.

— Примерь Этель. Я тебя прошу.— Барон задвигает шторку. Оттуда шепот и смешки Оксаны, недовольное бормотание Этель.

— Мы готовы,— говорит из кабинки Оксана. Она поправляет на Этель платье, а та, в сапогах, пунцовая от волнения, с испуганным ожиданием, смотрит на Барона.

— А нам бы было хорошо втроем, да, девочки? — глядя на них, говорит Барон.

— Ой,— Оксана смотрит на часы. — Мне же на работу. — Она выскакивает из кабинки.

— А ключ! — кричит Этель, поднимая с пола брелок с длинным ключом.

— Под половицу положите,— кричит Оксана.— Я поздно приду. Мне к тетке надо!

Барон смотрит ей вслед, а потом, повернувшись к Этель, говорит:

— Пальто тебе надо купить.
— Не сходи с ума, Иося.
— Из-за пальто?

— Из-за девочки. Не прикидывайся Моей с Арбузной пристани. Она тебе во внуки годится.

— Я купил ей платье, Этель. Красное. Ей будет к лицу.

За раскрытым окном вечер. Дождь. У стола в родительской комнате при тусклом свете абажура с синими нитями сидят Барон и Этель, которая роется в шкапулке со старыми фотографиями, бумагами, вырезками из газет.

— О,— Этель вынимает оттуда пакетик с прядью волос. — Это твои. В два годика. Видишь, какой ты был светленький. — Передает фотографию брату.— Это папа с тобой на мосту Видишь, как ты в него вцепился? А там мама за кадром, она тебя хотела забрать. Вот ее рука. А это папины стихи. Ему приснился сон, что он с тобой попал в Чили к Пиночету. Ты помнишь, когда убили Сальвадора Альенде?

— Да,— говорит Барон, выглядывая на темные соседские окна.

— Так тогда ему приснился сон. Нет ее, Иося? — Нет.

— Может, она осталась у тетки. Смотри какой ливень. Тут столбик про Пиночета, он в тебя долго читается.

Барон закрывает окно.
Этель в это время с чувством читает, далеко отодвинув от себя лист:

— И я хочу прикрыть сынулю. Еще чуть-чуть на пол-плеча. Но получив под сердце пулю. Вдруг просыпаюсь, закричаю... А,— она довольно смотрит на брата.— И дальше: Гляжу на солнце как на диво. И сердце бешено стучит. И на груди моей красиво. Мой сын, посапывая, спит... — Как тебе нравится? Ты так спал у него на груди.

— Этель,— тихо просит Барон.— Не рви мне сердце.

— Что? — говорит Этель. — О... Твоя первая открытка, через год как ты ушел. Кисловодск. «Пью воду. Целую». Была вкусная вода. Иося?

— Этель, прекрати. Что ты хочешь? Чтобы я заплакал, повинился! Я плачу! Винюся! Что?

— Ша, Иося, ша,— испуганно говорит Этель.— Не нервничай. Шо я такого спросила? Я спросила про воду. Сядь. Вот еще твоя открытка из Москвы. Больше мы не получали. Вот папина медаль. Забыла положить ему в гроб, совсем была без головы. Ой, Иося,— испуганно вскрикивает она.— Я таки без головы. Я таки без головы, Иося.— Она вскакивает, лезет под кровать, выдвигает оттуда какие-то ящики, старые игрушки, елочные гирлянды, пенопластовую фигурку Снегурочки. — Папа хотел подарить тебе на совершеннолетие. Была целая история. Взял у мамы браслет от часов. Пошел к Мотлу-кузнецу. Что ему устроила мама, ты можешь представить. Ты был в школе. Заклинал меня, чтоб я тебе не проболталась. — Наконец, Этель появляется с потертой сумочкой, из которой достает коробочку, а из нее — золотую цепочку с украшением в виде буквы «Иот» древнееврейского алфавита. — Это первая буква твоего имени, Иося. Когда он понял, что ты не вернешься, он подарил мне. Он еще надеялся, что я выйду замуж и у меня будет мальчик.

— Нет, Этель, это твое. Может быть, ты действительно еще выйдешь замуж.

— Вэйз мир. Какой ты у меня дурак,— с жалостью говорит Этель, касаясь его щеки. — Какой ты у меня еще дурак. Бери пока дают.

— Пусть,— говорит Барон. Он улыбается.— Давай сделаем стол, Этель. Отпразднуем. Я вернулся.

Сдвинутое столы во дворе дома. За столами чокаются и пьют. Уже затягивается песня про курочку и пана.

— Ты доволен, Иося? — говорит Этель брату, который с рассеянной улыбкой наблюдает за этим.— Все кушают.

Барон, взяв со стола ее руку и осторожно подержав на весу, прикасается к ней губами.

— Ах,— Этель краснеет, забирает руку, неловко длинное:

трет кисть.— Дожила. Родной брат мне руку целует.

Барон смотрит в сторону Сашки, встает.
— Ты куда? — встревоженно говорит Этель.
— Хочу с ним поговорить. Неудобно. Так... за спиной.

— Иося, не ходи, Иося, он же пьяный, потом поговоришь, что ты будешь говорить, нечего говорить, что она — взрослая? Что она понимает? Иося, он же пьяный, потом поговоришь, Иося, ради меня,— она тянет его вниз.

— Хорошо,— говорит Барон.— Хорошо. А спеть мне можно, сестра?

— Ради бога, пой сколько хочешь, все поют, шо разве плохо петь?

Барон просит у мальчика гитару, ласкает рукой струны. А потом резко их рвет в аккорде так, что к нему оборачиваются. Он издает голосом длинный гортанный звук, печальный и стонущий. Он слушает его, пока тот не пропадет в начинающих густеть сумерках. Он так долго слушает, что все замолкают и недоуменно на него смотрят. А потом он поет на цыганском тревожно и страстно, объясняясь в любви этой девочке, на которую смотрит неотрывно. Он поет больно и тоскливо, и смотрит ей в глаза, которые она не отводит, словно не замечая взглядов тех, кто удивленно поворачивает к ней головы. Она только мгновение смотрит на отца, потом снова в глаза того, который также резко, как начал, обрывает песню и хрипло говорит ей:

— Сто лет не пел.

За столом наступает длинная неловкая пауза. Пока кто-то кашлянув, неуверенно не затягивает:

— Ой, летили дыки вулки...
И все радостно с облегчением подхватывают.

Барон закуривает и уходит со двора вверх по дорожке.

— Иоська,— кричит Сашка, догоняя его.— По-годь.— Он хватает его за плечо, рвет к себе.— Иоська,— шепотом говорит он.— Я тебя, сука, вбью.

— Сядешь,— усмехнувшись, говорит Барон.
Сашка оторопело смотрит, потом говорит, запинаясь:

— Иося. Но у тебя же есть голова на плечах? А? Ты же разумный человек. Она же дитя. Ты же должен как-то понять.

Один раз я должен. Один. А не два,— говорит Барон.— Тебя я уже отдал.

Ночь. Река. Тяжелое со свистом дыхание Барона, когда он, преодолевая течение, плывет к далекому от него острову Фигурка Оксаны на маленьком пятачке безлюдного пляжа. Шоссе над спуском, уходящее в сторону леса.

Он снова плывет к острову, уже не различая его и не различая ничего впереди себя.

Камыш шелестит под ночным ветром, его много, целое поле. Барон нетвердо стоит в нем, держась за тонкие стебли. Он говорит:

— Вот, папа, я доплыл.

Такая далекая фигурка на том берегу, которая радостно машет ему руками.

Утро. Светает. Оксана, обхватив колени, сидит на песке у крошки воды, потом поднимается, недоуменно пожимает плечами, вяло машет рукой.

— Пусть она уйдет,— говорит Барон, проведя рукой по бархатым головкам стеблей. И когда фигурка девушки, останавливаясь и оглядываясь, медленно уходит к шоссе, он говорит.— Я старый. Дай ей счастья. И пусть мой отец попадет в рай.

Москва. Поезд прибывает на Киевский вокзал. Барон из окна спального купе растерянно смотрит на Джанго, который, улыбаясь, идет по платформе, рядом с вагоном.

Поезд останавливается. Барон опускает окно вниз. Джанго, чуть задыхаясь, быстро говорит на цыганском. Барон непонимающе на него смотрит:

— Откуда ты знал, что я приеду?

— Виноват, Барон,— улыбается Джанго.— Больше не буду. Наши друзья настаивают на переговорах. Нашим друзьям кажется, что им мало переплачивает. На ночной дискотеке они бросили в зал дымовую шашку. — Он кивает парню из охраны, который кидается к вагону.

— Да-да,— рассеянно говорит Барон.— Хорошо.— Он грузно поворачивается, окидывает взглядом купе, механически хлопает себя по карманам, забирает со столика зажигалку и сигареты, кладет их во внутренний карман пиджака. Его руча касается груди, где за раскрытым воротом рубашки блестит золотая цепочка с буквой, он сжимает ее в кулаке.

В дверь стучат. Парень, вопросительно посмотрев на Барона, подхватывает чемоданы.

Его встречают на двух машинах.

— Добрый день,— говорит Татарин, стоящий спиной к машине, потом садится за руль.

— Что им сказать насчет встречи? — Спрашивает Джанго, распахивая перед ним дверцу.— Вы назначите время?

Барон медленно проводит по лицу рукой, опускает ее вниз.

— Сюда посмотри,— указывает пальцем другой руки на сложенную фигу.— Понял? Не будет переговоров. Будут дерьмо жрать. В сауну,— говорит он Татарину и резко хлопает дверцей.

Поезд дергается. В пустом купе буква, висящая на замочке шторы, ударяется о стекло.